

между Парижем и Версалем, «отвечает за Париж». А так как с утра стали носиться зловеющие слухи о подготовлявшихся двором избиениях в столице, то «весь революционный Париж» направился к Пале-Роялю. Там и получено было известие о ссылке Неккера.

«Итак, двор решился начать войну?!» Тогда Камилл Демулен, выйдя из одного из палерояльских кафе, из кафе Фуа, со шпагой в одной руке и пистолетом в другой, взобрался на стул и обратился к толпе с призывом к оружию. Отломив ветку от дерева, он, как известно, сделал себе из зеленого листа кокарду, которая должна была служить знаком объединения. И его крик: «*Нельзя терять ни минуты времени! К оружию!*» — разнесся по всем предместьям.

После обеда громадная процессия с бюстами герцога Орлеанского и Неккера, обвитыми крепом (говорили, что герцог Орлеанский также сослан), двинулась через Пале-Рояль и улицу Ришелье к площади Людовика XV (теперешняя площадь Согласия). Площадь была занята войсками: швейцарцами, французской пехотой, гусарами и драгунами — под командой маркиза Безанваля. Войска скоро оказались окруженными народом; они старались оттиснуть толпу саблями и даже дали залп по народу; но под давлением несметной, все растущей толпы, которая толкала, давила, обволакивала их и разбивала их ряды, они вынуждены были отступить. С другой стороны, пронесся слух о том, что солдаты французской гвардии стреляли в королевский немецкий полк, верный королю, и что швейцарцы отказываются стрелять в народ. Тогда Безанваль, кажется, впрочем, не особенно доверявший двору, отступил перед растущей народной волной и увел свои войска на Марсово поле¹.

Борьба, таким образом, началась. Но каков еще будет ее конечный исход, если войско, оставшееся верным королю, получит приказание идти на Париж? И вот буржуазные революционеры скрепя сердце решаются прибегнуть к крайнему средству: обратиться с призывом к народу. По всему Парижу бьют в набат и предместья начинают ковать пики². Мало-помалу население выходит на улицу, вооруженное. Всю ночь люди из народа требуют у прохожих денег на покупку пороха. Заставы горят. Все заставы на правом берегу, от предместья Сент-Антуан до предместья Сент-Онорэ, а также у предместий Сен-Марсель и Сен-Жак, сожжены: съестные припасы и вино свободно, беспошлинно ввозятся в Париж. Всю ночь слышится набат и буржуазия дрожит за свои имущества, потому что люди, вооруженные пиками и дубинами, ходят по городу, грабят дома некоторых врагов народа и спекуляторов и стучатся в двери богатых, прося хлеба и оружия.

На другой день, 13-го, народ направляется прежде всего туда, где есть хлеб, а именно в монастырь Сен-Лазар, и осаждает его при криках: «*Хлеба, хлеба!*» Нагружают 52 повозки, но хлеб не грабят, а везут его на Центральный рынок, на площадь у ратуши, чтобы досталось всем. Туда же направляет народ и те припасы, которые беспошлинно ввозятся в Париж³.

В то же время толпа овладевает тюрьмой Форс, где тогда содержались сидевшие за долги, и освобожденные заключенные идут по улицам Парижа и благодарят народ; но бунт заключенных в тюрьме Шатле оказался усмирным, по-видимому, буржуазией, которая поспешно вооружалась и рассылала свои патрули по улицам. Около шести часов вечера сформировавшаяся буржуазная милиция уже направилась к ратуше, а в десять часов вечера, говорит Шассен, она уже вступила в должность.

Тэн и ему подобные, представляя собой верное отражение страхов буржуазии, стараются показать, что 13-го Париж «был в руках разбойников». Но это противоречит свидетельствам современников. Были, конечно, случаи, когда голытьба, вооруженная пиками, останавливала прохожих на улицах и просила у них денег на вооружение; было также и то, что в ночь с 12-го на 13-е и с 13-го на 14-е вооруженные люди стучались в двери богатых и просили у них есть и пить или оружия и денег. Известно также, что были попытки грабежа, потому что достойные доверия свидетели рассказывают, что

¹ «Солдаты французской гвардии, присоединившиеся к черни, стреляли в отряд полка Royal-Allemand, расположенный на бульваре, под моими окнами. Было убито двое и две лошади», — писал 13 июля Симолин, уполномоченный Екатерины II в Париже, канцлеру Остерману. Затем он прибавлял: «Третьего дня и вчера вечером сожгли городскую заставу Бланш и заставу предместья Пуассоньер». (*Femmet de Conches F. S. Louis XVI, Mane-Antoinette et madame Elisabeth. Lettres et documents inedits*, v. 1–6. Paris, 1864–1873, v. 1. p. 223).

² Их было выковано 50 тыс., а также приготовлено «всевозможное второстепенное оружие» на счет города. См.: *Dusaulx. L'oeuvre de sept jours. — In: Linguet, Dusaulx. Memoire sur la Bastille. Publ. par H. Monin. Paris. 1889, P. 203.*

³ «Со всех сторон к ратуше притекало бесконечное число возов, телег и тележек, остановленных у городских ворот и нагруженных припасами, посудой, мебелью и т. д. Народ, требовавший только оружия и боевых запасов... притекал к нам толпами и становился все настойчивее с каждой минутой». Это было 13 июля (*Dusaulx. L'oeuvre de sept jours. — In: Linguet, Dusaulx. Op. cit., p. 197.*)